

УДК 93/94

doi 10.17072/2219-3111-2026-2-179-191

EDN: ZXAPDW

ASJC 1202

ГРНТИ 03.23.55

Ссылка для цитирования: *Евнушанова А. А.* Международные семинары по взаимному рецензированию учебников истории и географии (1968–1989) как часть советской культурной дипломатии // Вестник Пермского университета. История. 2026. № 2(73). С. 179–191. DOI: 10.17072/2219-3111-2026-2-179-191. EDN: ZXAPDW

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СЕМИНАРЫ ПО ВЗАИМНОМУ РЕЦЕНЗИРОВАНИЮ УЧЕБНИКОВ ИСТОРИИ И ГЕОГРАФИИ (1968–1989) КАК ЧАСТЬ СОВЕТСКОЙ КУЛЬТУРНОЙ ДИПЛОМАТИИ

А. А. Евнушанова

Европейский университет в Санкт-Петербурге, 191187, Россия, Санкт-Петербург, ул. Шпалерная, 1
aevnushanova@eu.spb.ru
SPIN-код: 1094-0566

Статья посвящена изучению работы двусторонних семинаров по анализу учебников истории и географии с участием СССР и Польши (ПНР), Финляндии и США. На основе архивных материалов, учебников, материалов печати, отчетов участников семинаров в статье исследуется то, какие темы особенно часто становились предметами рекомендаций советских делегатов. Анализируются приемы, которые использовали советские участники семинаров для продвижения предпочтительной версии исторического нарратива, корректно, с их точки зрения, освещающего историю России и Советского Союза, и то, как они отличались в зависимости от стран. Рассматривается, какие вопросы были особенно важны для представителей других стран и как на принципиальную позицию экспертов из других стран реагировали советские историки. Анализ работы комиссий по учебникам показывает, что особым предметом внимания советских экспертов были темы, связанные с мифами основания российского и советского государства: революция 1917 г., Вторая мировая война и происхождение древнерусского государства (норманская теория). Советские рекомендации по этим темам для учебников других стран были связаны как с исправлением ошибок, так и с несогласием с интерпретацией природы революции, либо в отдельных случаях ее отсутствием в текстах учебников. Рекомендации по теме Второй мировой войны касались недостаточного освещения в учебниках опыта советских воинов и течения военных действий на Восточном фронте в целом. Аналогичную проблему отмечали и представители других стран в советских пособиях.

Ключевые слова: советская культурная дипломатия, учебники истории, ревизия учебников, международное сотрудничество, СССР, Польша (ПНР), США, Финляндия.

Введение

Начиная со второй половины 1950-х гг. советская культурная дипломатия начала обретать новые формы: к выставкам и лекциям, характерным для довоенного времени, добавились фестивали, спортивные соревнования, активная демонстрация научных и культурных достижений [Советская культурная дипломатия..., 2018, с. 21]. Одной из таких новых форм стали семинары по взаимному обсуждению учебников истории и географии, которые проводились СССР начиная с 1969 г. Представители Советского Союза организовывали и принимали участие в двухсторонних семинарах по обсуждению школьных учебников с делегациями экспертов как из социалистических Польши, Болгарии, Чехословакии, Румынии, так и из Финляндии, Австрии, США.

Такие семинары подразумевали анализ содержания учебников на предмет того, насколько верно в них изображались история и география другой страны, а также их последующее обсуждение на встречах экспертных групп. В ходе заседаний члены делегаций – методисты, исто-

рики, географы, представители министерств, сотрудники издательств, авторы учебников – выработывали рекомендации по улучшению и исправлению текстов учебников другой стороны. Целями семинаров обозначались как «улучшение эффективности образования и коммунистического воспитания молодежи» (СССР – ПНР), так и «улучшение качества учебников» (СССР – США) (Mehlinger, 1992a, p. 48); «достижение наиболее объективного и современного изложения в них истории, географии и культуры другой страны» (СССР – Финляндия) (ГАРФ. Ф. Р-9563. Оп. 1. Д. 3153. Л. 57).

В фокусе внимания статьи – темы, которые имели особую символическую значимость для советских участников семинаров и были постоянным предметом рекомендаций представителей на встречах с Польшей (ПНР), США и Финляндией. Эти встречи происходили в разное время в ходе работы комиссий по учебникам истории и географии между СССР и Польшей (ПНР) (1969–1985), Финляндией (1973–1989) и США (1977–1989).

Несмотря на то что существовали и другие комиссии по учебникам (между СССР и Болгарией (НРБ), Чехословакией (ЧСР), Румынией (СРР)), в статье мы фокусируемся именно на этих семинарах. Это объясняется несколькими причинами. Взаимодействие с представителями Польши, США и Финляндии в области ревизии учебников было наиболее длительным по сравнению с другими комиссиями, которые могли ограничиваться несколькими встречами. Кроме того, такой выбор отражает особенности взаимодействия СССР с представителями восточного (ПНР) и западного блоков (США), а также нейтральной Финляндии. Сыграли роль и источники: работа обозначенных двусторонних комиссий отражена в большом количестве материалов – как советских, так и зарубежных. Значительную проблему при исследовании этой темы представляет фрагментарное и неравномерное по странам освещение работы комиссий в источниках.

В ходе каждого из проанализированных семинаров советская сторона призывала польских, финских и американских коллег исправить в учебниках текст, освещающий происхождение древнерусской государственности (использование норманской теории), историю революции 1917 г., историю Второй мировой войны. В статье рассмотрено, какие приемы советские делегаты использовали для продвижения предпочтительной версии исторического нарратива, корректно, с их точки зрения, освещающего историю России и Советского Союза, и то, как они отличались в зависимости от стран. Изучение этих тем интересно потому, что позволяет увидеть, каким вопросам советские эксперты, анализирующие учебники, уделяли первоочередное внимание и – в отдельных случаях – какие проблемы были принципиально важны для других стран.

Предметом внимания стали школьные учебники по истории и географии для средней и старшей школы. В отдельных случаях анализировались пособия для начальной школы, а также исторические атласы. Наш интерес ограничен только комиссиями по учебникам истории, поскольку большая часть дискуссионных проблем была связана с вопросами исторического характера. Рекомендации экспертов относительно улучшения учебников географии в абсолютном большинстве случаев ограничивались исправлением неточностей, ошибок фактического характера и устаревшей информацией.

Семинары по взаимному рецензированию учебников истории и географии не были изобретением советской культурной дипломатии. Вопрос о международном пересмотре учебников был поставлен еще в конце XIX в.², получив особую актуальность после Второй мировой войны. Наиболее известны проекты по анализу учебников истории, организованные ЮНЕСКО³. Эти инициативы были направлены на преодоление националистических взглядов на историю и предвзятых суждений по отношению к другим народам ради достижения взаимопонимания и мира [Dussel, Ydesen, 2016, p. 231]. Начиная с 1958 г. представители СССР участвовали во встречах, организованных ЮНЕСКО. Одним из таких проявлений было участие историка А. Л. Нарочницкого в семинаре, посвященном изображению европейских стран в учебниках, выпущенных в странах Юго-Восточной Азии. Историк, специалист по истории международных отношений А. Л. Нарочницкий, в будущем – директор Института истории СССР АН СССР, через несколько лет возглавил советские делегации на комиссиях с Польшей, США и Австрией. Вполне вероятно, что опыт, полученный им в ходе обсуждения учебников в рамках проекта ЮНЕСКО, мог стать одним из аргументов в пользу решения о его назначении на роль руководителя советских делегаций. В то

же время подтвердить это документально невозможно, так как процесс принятия решений о назначении был непрозрачным и не отразился в известных нам источниках.

Помимо упомянутых проектов, широкую известность получил опыт польско-западногерманской комиссии по пересмотру учебников истории, работа которой осуществлялась с 1972 по 1984 г.⁴ Этот проект реализовывался фактически одновременно с работой советско-польской комиссии по учебникам. Проекты организовывались разными акторами: немецко-польская комиссия – при поддержке совместной немецко-польской комиссии ЮНЕСКО [Ruchniewicz, 2002, p. 30]; работа советско-польской комиссии осуществлялась Министерствами просвещения двух стран. Состав комиссий различался за исключением двух участников: и в советско-польском, и в немецко-польском проектах участвовали Витольд Кусиньски (заместитель директора Института географии Варшавского университета) и Анджей Щесняк (представитель Министерства просвещения ПНР). Учебник последнего сыграл значительную роль в ходе работы советско-польской комиссии.

СССР не был исключен из международной «сети»⁵ обсуждений учебников и впоследствии сам стал инициатором организации комиссий, на которых советские учебники также становились предметами дискуссии. Первым проектом, в ходе которого делегация из СССР обсуждала собственные учебники истории и географии, был семинар с Польшей (ПНР), подготовка которого была начата в 1968 г. С перерывами в работе советско-польская комиссия существовала до 1985 г. и, насколько нам известно, функционировала дольше всех аналогичных комиссий. На примере этого взаимодействия отчетливо видно изменение характера дискуссий, которые по мере перемены политического климата как в Польше, так и в СССР становились все более острыми и принципиальными.

Политическая обстановка значительным образом влияла на работу комиссий по учебникам. Так, советско-американский проект был инициирован в атмосфере общей политики разрядки в 1977 г., приостановлен из-за ввода советских войск в Афганистан и возобновлен в 1985 г. в «начале конца» холодной войны. Советско-финские семинары по учебникам возникли по инициативе финской стороны и испытали влияние финляндизации⁶. Комиссии по учебникам между СССР и коммунистической Польшей проходили относительно бесконфликтно до 1985 г., когда предметом обсуждения стал новый учебник под редакцией А. Щесняка.

Тем не менее ситуация конфликта зачастую является плодотворной для изучения таких форм культурной дипломатии, как работа комиссий по учебникам. Культурная дипломатия нередко рассматривается исследователями в качестве особого феномена холодной войны. В современной историографии историки изучают холодную войну не только как борьбу между системами, но фокусируются на проявлениях сотрудничества, взаимодействия и обмена между различными акторами культурной дипломатии по обеим сторонам границы. Объектами исследований становятся различные проявления советской «мягкой силы»: международные выставки и фестивали [Koivunen, 2022; Krekola, Mikkonen, 2011; Можяева, 2016; Попов, 2018], образовательные [Нагорная, 2018] и культурные [Oiva, Salmi, Johnson, 2021] контакты, программы по обмену [Richmond, 2003; Фокин, Яновская, 2025], спортивные соревнования [Орлов, Попов, 2020], выездной туризм [Gorsuch, 2011; Орлов, 2024] и пр. Международные проекты по учебникам также являлись неотъемлемой частью таких практик, однако еще не были изучены в контексте культурной дипломатии. История комиссий по учебникам демонстрирует, что советская культурная дипломатия была разнообразной и многоакторной, включала широкий ряд практик обмена, касающийся даже столь ортодоксальной сферы, как школьные учебники истории.

Обсуждение на семинарах было организовано различным образом. Встречи могли быть посвящены как отражению конкретных периодов истории в учебниках, так и освещению проблемных тем, а иногда – подробному анализу последних изданий пособий. Например, первый советско-финский семинар был посвящен истории стран до 1937 г., второй – с 1937 по 1973 г. В рамках первой встречи советско-американского проекта представителями стран были выявлены «проблемные» темы в учебниках; на следующем семинаре по ним были высказаны рекомендации и предложены варианты исправления. Советско-польский семинар 1973 г. был посвящен анализу трех советских пособий для средней и старшей школы, последние издания ко-

торых вышли в том году. В этом случае предметом внимания комиссии стали учебники по истории вне зависимости от периода – и учебники по истории Средних веков, и учебники, описывающие события недавней современности. Рекомендации экспертов касались самых разных тем. Мы сосредоточимся на наиболее распространенных из них, тех, которые вызывали особое внимание советских и зарубежных экспертов.

Революция 1917 г.

Интерпретация революции 1917 г. в учебниках истории других стран была предметом особого внимания советской стороны. В зависимости от того, как революция изображалась в учебниках и имело ли это событие влияние на состояние государственности стран, рекомендации советской стороны касались трех вопросов: интерпретации природы революции (США); выявления ошибок (США); влияния революции на процессы обретения независимости стран – участниц семинаров (Финляндия, Польша).

Разница историографических традиций подразумевала использование противоречащих интерпретаций природы революции 1917 г. в учебниках СССР и других стран. Критика советских экспертов была связана с трактовкой революции как *«случайного события», «результата государственного переворота, совершенного небольшой группой революционеров-большевиков»* (Mehlinger, 1992b, p. 84) в американских учебниках. Это кардинально разнилось с советским нарративом о революции, который представлял ее как закономерное событие, *«подготовленное всем ходом предшествующего развития общества», «победоносное завершение освободительной борьбы трудящихся и эксплуатируемых масс России»* (История СССР..., 1972, с. 3).

В статье, анализирующей изображение истории СССР в американских учебниках, историки А. Данилов и И. Шарифжанов, опровергая эти мифы, активно ссылаются на Ленина, а также свидетельства очевидцев Альберта Риса Вильямса и Фридриха Платтена, не используя в качестве аргументов современную советскую историографию. Это можно объяснить тем, что «взывание к авторитетам» было одним из распространенных приемов советских делегатов, используемых для усиления своей позиции.

Тема «мифов о революции» в учебниках США была связана с историями о Ленине как о немецком агенте или «немецком золоте», потраченном правительством кайзера на организацию революции в России (History and Life..., 1977, p. 584). Советские историки характеризовали подобные истории как «клеветнический вымысел», распространявшийся в американских учебниках с целью очернить революцию (Данилов, Шарифжанов, 1979, с. 75).

В случаях комиссий с Финляндией и Польшей советские представители в первую очередь стремились подчеркнуть значимость события и его последствий для истории стран-соседей, обретения ими независимости.

Сотрудничество Финляндии с СССР по вопросам обсуждения учебников истории и географии, начатое в 1973 г., было инициировано финской стороной. До этого в 1970 г. по предложению руководства общества «Финляндия – СССР»⁷ в Финляндии была начата внутренняя работа по пересмотру учебников истории, в ходе которой было обнаружено, что в них «получение Финляндией независимости изображалось с попыткой принизить значение Великой Октябрьской социалистической революции» (ГАРФ. Ф. Р-9563. Оп. 1. Д. 190. Л. 2). Тогда к внутреннему процессу пересмотра было предложено присоединиться советским экспертам.

В ходе семинаров советская сторона несколько раз предлагала финским коллегам рекомендации по изменению текста о революции 1917 г. По результатам первого семинара 1973 г. советские рекомендации включали сразу несколько пунктов:

1. *«усилить освещение роли народных масс в истории, подчеркнуть народный характер революции в России, тесную связь партии большевиков с массами»;*
2. *«раскрыть закономерность, историческую обусловленность трех революций в России, подчеркнуть всемирно-историческое значение Великой Октябрьской социалистической революции, в том числе и в получении Финляндией независимости»;*
3. *«уточнить ряд фактов биографии и революционной деятельности В. И. Ленина»;*

4. *отметить контрреволюционную роль иностранной интервенции в период Гражданской войны»* (Там же).

Финские участники, в свою очередь, также рекомендовали советским коллегам *«расширить материал об установлении независимости Финляндии и роли Ленина в признании государственной независимости страны»* (ГАРФ. Ф. 10049. Оп. 1а. Д. 2557. Л. 63) в советских пособиях. Таким образом, некоторые рекомендации были фактически универсальными как для советской, так и для финской стороны, что может свидетельствовать о том, что финские коллеги стремились использовать «советский язык», в т.ч. для возможности продвижения своего исторического нарратива относительно других, принципиальных для них вопросов.

Отсутствие темы революции в учебниках также становилось предметом внимания советских экспертов и беспокойства со стороны партийного руководства. На советско-польском семинаре в 1985 г. советской стороной была высказана критика в адрес нового учебника. В этом пособии под редакцией А. Щесняка⁸ повествование об истории Польши в XX в. начиналось с описания Четырнадцати пунктов Вильсона, упоминавших независимость Польши. Для учебников, обсуждавшихся на семинарах ранее и написанных согласно марксистско-ленинскому канону, было характерно понимание революции 1917 г. и «Декларации народов России» в качестве решающего фактора независимости Польши (*Sędziwy*, 1968, p. 52).

Согласно отчету, составленному членами советской делегации историком А. Л. Нарочницким и методистом Г. М. Карповым, пособие Щесняка *«умалняет роль Великой Октябрьской социалистической революции в мировой истории, не раскрывает ее первостепенное значение как предпосылки воссоздания Польского государства после Первой мировой войны. Пособие создает ложное впечатление, что новейшая история открывается т. наз. “14 пунктами” президента США Вильсона и решениями Парижской мирной конференции 1919 г.»* (ГАРФ. Ф. Р-9563. Оп. 1. Д. 4986. Л. 20).

Отдельного параграфа, посвященного истории революции 1917 г. в учебнике, не было, что стало причиной критики со стороны советских участников комиссии. Исходя из сведений, содержащихся в советском отчете, польская сторона объяснила это реформированием учебников и программы и уведомила, что тема *«изучается пока по прежним изданиям учебника для 7 класса, доведенного до 1917 г., а в настоящее время ведется подготовка нового учебника, где такая глава предусмотрена»* (Там же).

Вкупе с другими наблюдениями это приводило к общей критике учебника из-за содержания в нем *«немалого заряда антисоциалистических, антисоветских и националистических тенденций»* (Там же). Согласно советским документам, учебник *«вызвал обеспокоенность на высоких уровнях в аппарате нескольких отделов ЦК КПСС»* (Там же. Л. 19), а также озаботил представителей посольства СССР в Варшаве и замминистра просвещения СССР М. И. Журавлеву⁹.

В источниках и историографии учебник Щесняка и его активное обсуждение оцениваются по-разному. Коллега Щесняка, польский историк Ежи Роберт Новак писал о том, что из-за своего «смелого и нетрадиционного» учебника автор подвергся нападкам со стороны Польской объединенной рабочей партии за антисоветскую «националистическую ангажированность» (Nowak, 2003). Польский историк образования Збигнев Осинский отмечал, что учебник Щесняка был единственным учебником 1980-х гг., на который сильное влияние оказали современные политические тенденции, а не только марксистская идеология [Osiński, 2010, p. 188]. По оценке историка Сильвии Бобрик, учебник Щесняка был «гибридным»: с одной стороны, он предлагал новое прочтение польско-советской истории; в то же время легитимность ПОРП и ее отношения с СССР не оспаривались [Bobryk, 2017, p. 73].

Революция как миф основания советского государства, ее неканоничная интерпретация, ошибки в описании или попросту отсутствие темы в учебных пособиях других стран всегда становились предметом внимания советских экспертов. Что, впрочем, не означало использование этих рекомендаций при исправлении или доработке учебников другой стороной.

Вторая мировая война

Значимой темой, сыгравшей особую роль в международных обсуждениях школьных учебников, была история Второй мировой войны. Как общая логика изложения, так и отдельные события становились предметом дискуссий. Рекомендации советской стороны касались вопросов освещения действий на Восточном фронте, роли Советского Союза в победе и стереотипного изложения отдельных тем российской истории.

Предложения о более подробном освещении хода военных действий на Восточном фронте поступали от советских участников на советско-американских семинарах по учебникам. В ходе анализа американских пособий И. Шарифжанов¹⁰ и А. Данилов¹¹ отмечали: *«Обстоятельно освещая действия американских и английских войск, их авторы стремятся всячески умалить решающую роль Советского Союза в разгроме фашистской Германии. <...> Напрасно искать на их страницах высокую оценку беззаветной стойкости и патриотизма советского народа. <...> Вместо этого они пестрят обильными цифрами о потерях советских войск в первые месяцы войны, когда на стороне агрессора были военное превосходство и фактор внезапности»* (Данилов, Шарифжанов, 1979, с. 76).

Оценки американских коллег были зеркально противоположными. По их мнению, в советских учебниках слишком мало говорилось о Тихоокеанском театре военных действий: *«Советским студентам дается искаженная версия вклада других наций в разгром фашистских сил»* (Mehlinger, 1992b, p. 68). Было отмечено, что в одном из проанализированных учебников по истории СССР¹² не упоминались нападение на Перл-Харбор и усилия США по разгрому японской армии, также не освещались поставки по ленд-лизу (Ibid.). В учебниках по всемирной истории ленд-лиз упоминался¹³, однако описание его характера было поставлено под сомнение американскими историками. Советские учебники изображали ленд-лиз как меру, вызванную давлением народных масс на правительство США (Новейшая история..., 1982, с. 23). Предполагалось, что взамен на оружие СССР поставлял США сырье. Нерегулярность поставок объяснялась необязательностью США, а не суровостью условий перевозки (Mehlinger, 1992b, p. 51). По мнению американских экспертов, такая интерпретация не соответствовала действительности.

Помимо ленд-лиза, другие темы также интерпретировались в учебниках стран по-разному. Например, советские учебники объясняли сброс американскими военными атомных бомб на Хиросиму и Нагасаки стремлением США к мировому господству: *«Этот бесчеловечный акт преследовал далеко идущие политические цели: запугать народы мира и заставить изклонить головы перед могуществом США»* (Новейшая история..., 1982, с. 39–40). Американская группа не была согласна с подобной интерпретацией и объясняла необходимость бомбардировок *«во избежание больших потерь, которые ожидалось бы в случае вторжения»* (Mehlinger, 1992b, p. 66). Тезис советских учебников, объясняющий затягивание открытия второго фронта стремлением переложить всю тяжесть войны на плечи СССР, американские коллеги также ставили под вопрос. По их мнению, задержка объяснялась неготовностью американской военной промышленности, а также ведением войны на два фронта (Ibid., p. 64).

Одним из общих направлений советских рекомендаций было искоренение стереотипов относительно российской истории. В учебниках США это проявилось и в теме Второй мировой войны. Советскими экспертами отмечалось, что в одном из американских пособий причиной неудачи блицкрига называется «генерал Мороз»: *«“Как суровая зима помогла русским разгромить Наполеона в 1812 г., так и сейчас она помогла Советам в их сражении с Гитлером”. Разгром фашистских войск под Москвой в декабре 1941 г. объясняется тем, что солдаты гитлеровской армии находились “все еще в летней форме”, а танки были “без антифриза”»* (Данилов, Шарифжанов, 1979, с. 76–77).

Американская группа также нашла спорным изображение роли США во Второй мировой войне в советских пособиях. Приведение известной цитаты Трумэна¹⁴ в советских учебниках критиковалось американскими участниками как пример искажения и предвзятости, а сама цитата объяснялась тем, что *«многие американцы были огорчены фактом пакта Молотова–Риббентропа, разделом Польши и нежеланием СССР занять позицию, в то время как немецкая армия захватывала Западную Европу»* (Danilov, Sharifzhanov, 1981, p. 237).

В отношении изображения Второй мировой войны США и СССР имели общую проблему: в учебниках стран основное внимание уделялось тем фронтам, где ими велись военные действия, в то время как другие во многом оставались за пределами повествования.

Финляндия: пакт Молотова–Риббентропа и секретный протокол

В ходе обсуждений выделялись принципиальные вопросы, в изложении которых страны не готовы были идти на компромисс. В случае советско-финской комиссии для Финляндии таким вопросом было упоминание в учебниках пакта Молотова–Риббентропа и секретного протокола к нему, согласно которому в сферу влияния Советского Союза входила и Финляндия.

На семинаре в 1974 г., посвященном истории СССР и Финляндии с 1937 по 1974 г., профессор политической истории Хельсинского университета, сотрудник МИД Кейо Корхонен занял бескомпромиссную позицию по этому вопросу. По воспоминаниям руководителя финской делегации Эрки Ахо, Корхонен спорил с советскими экспертами о секретном протоколе к пакту, доказывая его существование, в то время как те уверяли его, что дополнительное соглашение было подделкой (Savolainen, 1997, р. 18). Несмотря на рекомендации советской стороны, секретный протокол продолжал упоминаться в финских учебниках (Lehtonen, Huttunen, Laine, 1977, р. 21). Согласно воспоминаниям участников, на этом заседании финская группа не почувствовала никакого давления с советской стороны, даже в отношении обсуждения пакта (Savolainen, 1997, р. 18). Несмотря на то что историческое школьное образование Финляндии испытывало на себе проявления политики финляндизации, ее границы были ограничены. На советско-финских семинарах была обозначена принципиальная для финских историков позиция по вопросу пакта, использовавшаяся в финских учебниках, несмотря на рекомендации советских экспертов и общую готовность некоторых финских коллег к переменам [Евнушанова, 2025, с. 93].

Польша: Катынский расстрел

На советско-польском семинаре в 1985 г. камнем преткновения между экспертами стало освещение Катынского расстрела (*«катыньского дела»*) в учебнике А. Щесняка. В пособии, вышедшем в 1984 г., была впервые упомянута эта трагедия. Несмотря на то что виновные в преступлении не назывались, сообщалось, как немецкие и советские власти взаимно обвиняли друг друга в расстреле польских офицеров, а также о разрыве дипломатических отношений между странами в 1939 г. (Szcześniak, 1984, р. 228). Польская сторона отказалась исправить текст, который, согласно отчету советских экспертов, *«косвенно наводил на антисоветские выводы до предоставления советской стороной новых фактических данных»* (ГАРФ. Ф. Р-9563. Оп. 1. Д. 4986. Л. 25). Польские участники семинара утверждали, что *«умолчание о “катыньском деле” не даст результатов, а только вызовет вопросы, которые только затруднят польских учителей на уроках истории»* (Там же).

Тема Катыни была принципиальным моментом для сторонников «Солидарности» в Польше; в период волнений польское общество все активнее требовало от правительства официального заявления по поводу преступления [Лебедева, 2017, с. 299]. В мае 1987 г. была создана советско-польская комиссия ученых по изучению истории двух стран, одной из задач которой было изучение белых пятен истории, в т.ч. расследование Катынского расстрела. Ответственность за преступление будет признана советскими представителями власти только в 1990 г. Таким образом, можно говорить о том, что на комиссиях по учебникам обсуждение Катынского вопроса возникло раньше, чем на встречах комиссии историков.

Вопрос о начале Русского государства (норманская теория)

В ходе комиссий советские эксперты часто критиковали используемое в учебниках других стран «неканоничное» объяснение происхождения древнерусской государственности. Такое изложение было характерно для США. На советско-американском семинаре 1979 г. представители СССР были не согласны с использованием в американских пособиях норманской теории: *«Все учебники США принимают и пропагандируют т.н. норманскую теорию, утверждая, что Рюрик и его дружина, именуемые руссами, в 882 г. основали первое Русское государство с центром в Киеве, что “речные пираты”, двигаясь на юг из Скандинавии, “создали*

политический зонтик, под которым впервые объединились русские народы”» (Данилов, Шарифжанов, 1979, с. 72).

Подобная интерпретация воспринималась советскими историками как имеющая «отчетливо выраженный политический смысл» (Там же, с. 73); как одно из проявлений «политической предвзятости, схематизма, искажения достоверных фактов» и «наследия холодной войны» (Там же, с. 72). Согласно американским источникам, советскими историками было внесено предложение в учебниках «наравне с норманской теорией дать ссылку на другие теории, в первую очередь, выдвинутую советскими историками [т.е. антинорманскую. – А. Е.], если пересмотр такой точки зрения оказывается по ряду причин неприемлемой для авторов» (Mehlinger, 1992b, p. 81).

В советских пособиях описание норманской теории намеренно исключалось. Согласно требованиям (1954), в учебниках истории «не следует излагать сущность антинаучной и антипатриотической норманистской теории» (ГАРФ. Ф. А2306. Оп. 72. Д. 3700. Л. 386).

Норманская теория и ее использование в учебниках других стран воспринимались советскими историками как тема особой важности из-за ее политической значимости, а также противоположной трактовки вопроса в советской историографии. Советские эксперты воспринимали объяснение происхождения древнерусской государственности «извне» как пропагандистский штамп. В то же время в случае советско-американского проекта они не могли рекомендовать заменить изложение, а лишь добавить объяснение, принятое в марксистско-ленинской историографии.

Заключение

Особо значимыми для советских экспертов были темы, связанные с мифами основания российского и советского государства: революция 1917 г., Вторая мировая война и происхождение древнерусского государства (норманская теория).

Советские историки по-разному реагировали на то, как тема революции была представлена в учебниках. В случае комиссий с США рекомендации были связаны с разницей в интерпретации природы революции, а также исправлением фактических ошибок. В качестве аргументов советские историки ссылались на Ленина и очевидцев революционных событий, что было распространенным приемом усиления своей позиции. На семинарах с Финляндией интерпретация революции послужила началом для сотрудничества и выступала в качестве темы, вокруг которой между странами сложился консенсус. Согласие экспертов по этому вопросу приводило к тому, что тема революции становилась местом рекомендаций с обеих сторон. Если советские эксперты предлагали «подчеркнуть всемирно-историческое значение... революции, в том числе и в получении Финляндией независимости» (ГАРФ. Ф. Р-9563. Оп. 1. Д. 2116. Л. 3), то финские участники в ответ предлагали «расширить материал об установлении независимости Финляндии и роли Ленина в признании государственной независимости страны» (ГАРФ. Ф. 10049. Оп. 1а. Д. 2557. Л. 63) в советских пособиях. Можно предположить, что использование финскими экспертами «советского языка» относительно «бесконфликтной» темы позволяло обрести пространство для маневра относительно других, принципиальных для них вопросов.

В ходе советско-польского семинара факт неупоминания революции считывался советскими делегатами как оскорбление и недопустимая попытка отойти от марксистско-ленинского канона в новом учебнике, что стало предметом беспокойства в партии. Ни ранее на семинарах с Польшей, ни в ходе проектов СССР с другими странами не наблюдалось подобных эксцессов. Приемами советской стороны в этом случае становились прямая критика положений учебника и составление списка рекомендаций по их исправлению, что, впрочем, не приносило желаемых результатов.

Относительно описания истории Второй мировой войны в пособиях разных стран советские историки отмечали недостаточное отражение в них опыта советских воинов и использование стереотипов. Первая проблема была характерна и для советских учебников, что отмечалось американскими экспертами. Изображение Второй мировой войны в учебниках становилось темой, в отношении которой представители стран могли занимать бескомпромиссную позицию. Пакт Молотова–Риббентропа и упоминание секретного протокола к нему были важны для чле-

нов делегации и авторов учебников Польши и Финляндии, а действия советской стороны по изменению нарратива были нерезультативными. В то же время, как показало сотрудничество с Финляндией, наличие принципиальных вопросов не становилось проблемой для взаимодействия. Несмотря на рекомендации советской стороны, интерпретация пакта Молотова–Риббентропа продолжала использоваться в финских учебниках без изменений.

Сравнивая работу комиссий СССР с разными странами, можно отметить, что взаимодействие было очень асимметричным. Для продвижения предпочтительной версии прошлого советские историки использовали различные приемы. В случае обсуждения учебника под редакцией Щесняка с представителями Польши изменения подхода к написанию пособия вызвали критику советских экспертов. Несмотря на то что учебник был написан во многом в духе марксистско-ленинского подхода, отсутствие в нем важнейшей темы революции было воспринято советскими делегатами как проявление антисоветизма. Со своей стороны члены польской группы также проявляли принципиальную позицию в вопросе Катыни, не согласившись с рекомендацией советской стороны исправить текст. Кроме того, можно предположить, что для советских историков некоторую роль сыграла и фигура автора, который на протяжении нескольких лет участвовал в обсуждениях пособий в рамках советско-польских комиссий, а на фоне политических изменений стал автором «неканонического» учебника. Значимым фактором должно было быть и внимание к этой проблеме отделов ЦК КПСС; в таком случае советские делегаты точно не могли придерживаться компромиссной позиции. Коридоры их возможностей для маневра – и так не очень широкие – сужались.

Несмотря на то что утилитарный результат работы комиссий был не слишком значительным, в советских учебниках исправлялись некоторые неточности, как и в учебниках других стран, усилия по взаимному обсуждению учебников были важной частью культурной дипломатии эпохи холодной войны и последующей разрядки. Усилия СССР по инициированию и организации работы комиссий с другими странами демонстрируют готовность к диалогу, пусть и в изначально ограниченном формате. Помимо возможности пересечь границу, что выделялось в качестве значимой привилегии как советскими участниками комиссий, так и зарубежными, международные усилия по обсуждению учебников приводили к совместным публикациям, возникновению неформальных связей и опыту взаимодействия между представителями разных школ.

Примечания

¹ Известно, что вопрос о пересмотре учебников был поставлен на Всемирном конгрессе 1889 г. В период до Первой мировой войны ревизией учебников занимались не менее 20 международных и 44 национальных организаций. С начала 1920-х гг. ключевым актором в вопросе пересмотра учебников стала Лига Наций [Schröder, 1961; Faure, 2015].

² Организованные ЮНЕСКО международные семинары по пересмотру учебников истории и географии осуществлялись в Западной и Северной Европе с 1946 г. С 1957 г. начал работу проект ЮНЕСКО по взаимному признанию культурных ценностей Запада и Востока (*The East-West Major Project*). Тогда к обсуждениям учебников присоединились представители стран Азии и Африки.

³ С 1972 г. в рамках новой восточной политики ФРГ осуществлялась совместная комиссия стран по учебникам истории и географии. По ее результатам в 1976 г. были опубликованы «Рекомендации по учебникам истории и географии в ФРГ и ПНР», включившие 26 тем, начиная с тевтонских рыцарей, разделов Польши в XVIII в., борьбы польского народа за независимость, нацистской оккупации и польского движения сопротивления, включая послевоенные территориальные изменения и миграцию этнических немцев [Ku, 2010; Strobel, 2015].

⁴ Подробнее о проектах по учебникам как нетворкинге и сети акторов, участвовавших в них, см. [Faure, 2011].

⁵ Историк Т. Вихавайнен понимает финляндизацию как политическую культуру, сложившуюся в Финляндии в начале 1970-х гг., для которой было характерно не критическое отношение к СССР. Основной политической доктриной стал отказ от традиционной враждебности по отношению к Москве, место которой сменила политика дружбы [Vihavainen, 1991], также см. [Cotta, 2022].

⁶ По оценке историка С. Микконена, общество «Финляндия – СССР» характеризовалось как «отдел культуры при Коммунистической партии Финляндии» [Микконен, 2024, с. 8].

⁷ Контроль по вопросам международных культурных связей в области образования осуществлялся Отделом науки и учебных заведений ЦК КПСС. Вероятно, имеется в виду именно он. К сожалению, материа-

лы о деятельности отдела как относительно этого сюжета, так и работы комиссий по учебникам в целом не удалось обнаружить в соответствующем архиве (РГАНИ).

⁸ Анджей Щесняк – польский методист, автор школьных учебников. В 1970-е гг. занимал должность старшего научного сотрудника Института школьных программ Министерства просвещения и воспитания ПНР. Имел большой опыт участия в международных обсуждениях учебников: помимо советско-польских семинаров и польско-западногерманской комиссии, принимал участие в работе польско-венгерской, польско-австрийской и польско-британской комиссий по учебникам. Более поздние учебники Щесняка активно критиковались за антисемитизм [Kwiatkowska, 2008, р. 59–60]. Польский историк Ежи Томашевский характеризовал Щесняка как автора, известного способностью адаптировать свои учебники к текущим политическим потребностям [Tomaszewski, 1994, р. 91]. Щесняка описывали и как неопита, который годами писал в соответствии с коммунистической историографией и внезапно изменил риторику после начала демократических перемен в Польше [Brynkus, 2012, р. 117].

⁹ Марина Ильинична Журавлева выполняла обязанности замминистра просвещения СССР с 1968 по 1988 г. Была задействована в организации комиссий по учебникам с ПНР, США, Финляндией и другими странами. По оценке руководителя американской делегации Г. Мелингера, в ходе советско-американской комиссии по учебникам фактически именно она, а не руководитель делегации А. Л. Нарочницкий, играла главную роль в организации работы комиссии с советской стороны (Mehlinger, 1992a, р. 99).

¹⁰ Измаил Ибрагимович Шарифжанов – историк, специалист по истории Англии. В годы комиссий занимал должность доцента кафедры всеобщей истории Казанского университета. Ученик А. И. Данилова. Впоследствии написал книгу об опыте участия в комиссии по учебникам (см. Шарифжанов, 2009).

¹¹ Александр Иванович Данилов – министр просвещения РСФСР (1967–1980), историк-медиевист. Не участвовал в комиссиях.

¹² Имеется в виду учебник по истории СССР (1938–1976) для 10 класса под редакцией М. П. Кима. М.: Просвещение, 1977.

¹³ Речь идет об учебнике по новейшей истории для 10 класса под редакцией профессора В. К. Фураева. М.: Просвещение, 1977.

¹⁴ «Если мы увидим, что войну выигрывает Германия, нам следует помогать России. Если будет выигрывать Россия, нам следует помогать Германии. И пусть они как можно больше убивают друг друга...», – цитирует сенатора Г. С. Трумэна газета *The New York Times* 24 июня 1941 г. (Catledge, 1941, р. 1).

Список источников

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-9563. Оп. 1. Д. 190. Л. 2; Д. 2116. Л. 3; Д. 3153. Л. 57; Д. 4986. Л. 20, 24–25; Ф. 10049. Оп. 1а. Д. 2245. Л. 74; Д. 2557. Л. 62–63; Ф. А2306. Оп. 72. Д. 3700. Л. 386.

Данилов А.И., Шарифжанов И.И. История СССР на страницах школьных учебников США // Преподавание истории в школе. 1979. № 5. С. 71–77.

История СССР. Переходная эпоха: от капитализма к социализму (1917–1937 гг.): учеб. пособие для 9 кл. / под ред. М.П. Кима. М.: Просвещение, 1972. 9-е изд. 244 с

Новейшая история (1936–1981): учеб. пособие для 10 кл. сред. школы / под ред. В.К. Фураева. М.: Просвещение, 1982. 288 с.

Шарифжанов И.И. Изолированная страна: История России на страницах школьных учебников США и Западной Европы. М.: Магариф, 2009. 117 с.

Catledge T. Our Policy Stated... // *The New York Times*. 1941. 24 June. P. 1.

Danilov A., Sharifzhanov I. The History of the USSR According to School Textbooks of the USA // *Social Education*. 1981. April. P. 232–237.

History and Life. The World and Its People. USA: Scott, Foresman and Company, 1977. 701 p.

Lehtonen K., Huttunen V., Laine O. Peruskoulun historia 4. Porvoo: Werner Söderström Osakeyhtiö, 1977. 132 p.

Mehlinger H. School Textbooks: Weapons for the Cold War. A Report of the US/USSR Textbooks Study Project (1977–1989). 1992a. 291 p.

Mehlinger H. School Textbooks: Weapons for the Cold War. A Report of the US/USSR Textbooks Study Project (1977–1989). Appendices. 1992b. 123 p.

Nowak J.R. Historyk niepokorny. Wspomnienie o śp. dr Andrzeju Leszku Szcześniaku // *Nasz Dziennik*. 2003. Available at: https://web.archive.org/web/20080611221737/http://www.naszawitryna.pl/jedwabne_945.html (accessed: 20.10.2025).

Savolainen K. A Report on Co-operation between Finland and the Former Soviet Union in History Textbook Writing: 1973–1989 // UNESCO Forum on History Textbooks for the 21st Century: Final Report. Seoul, 1997. P. 14–23.

Sędziwy H. Historia dla klasy VIII. Warszawa: Państwowe Zakłady Wydawnictw Szkolnych, 1968. 287 p.

Szcześniak A.L. Historia Polska i świat naszego wieku. Warszawa: Wydawnictwa Szkolne i Pedagogiczne, 1984. 399 p.

Библиографический список

Евнушанова А.А. «Знай своего соседа» или «знай своего врага»? Семинары советско-финляндской комиссии по анализу содержания учебников истории и географии (1973–1989) // Культурный код. 2025. № 2. С. 81–100. DOI: 10.36945/2658-3852-2025-2-81-100. EDN: ZCVTAM.

Лебедева Н.С. Катынское преступление // Белые пятна – черные пятна. Сложные вопросы в российско-польских отношениях / под ред. А.В. Торкунова, А.Д. Ротфельда. М.: Аспект пресс, 2017. С. 280–303. EDN: YQBOYX.

Микконен С. Дружба по расчету. Культура и искусство в советско-финских отношениях, 1944–1960. М.: Новое литературное обозрение, 2024. 368 с.

Можяева Л.А. Всемирные фестивали молодежи и студентов: из опыта общественной дипломатии // Новый исторический вестник. 2016. № 2(48). С. 132–144. EDN: WLBHJJ.

Нагорная О.С. Научное сотрудничество и образовательные контакты в системе советской культурной дипломатии эпохи «холодной войны» (1945–1990 гг.) // Вестник Перм. ун-та. История. 2018. №3 (42). С. 22–30. DOI: 10.17072/2219-3111-2018-3-22-30. EDN: YNAAVF.

Орлов И.Б. От фестиваля к фестивалю: международный молодежный туризм в СССР в 1957–1985 годах. М.: Изд. дом ВШЭ, 2024. 239 с. DOI: 10.17323/978-5-7598-4124-1. ISBN: 978-5-7598-4124-1. EDN: CKVOKL.

Орлов И.Б., Попов А.Д. Олимпийский переполох: забытая советская модернизация. М.: Изд. дом ВШЭ, 2020. 455 с. DOI: 10.17323/978-5-7598-2165-6. ISBN: 978-5-7598-2165-6. EDN: SOMTSP.

Попов А.Д. Последнее советское мегасобытие: XII Всемирный фестиваль молодежи и студентов 1985 года в Москве // Новейшая история России. 2018. Т. 8, № 4. С. 1017–1031. DOI: 10.21638/11701/spbu24.2018.415. EDN: VTVRTW.

Советская культурная дипломатия в условиях Холодной войны. 1945–1989 / под ред. О.С. Нагорной. М.: РОССПЭН (Политическая энциклопедия), 2018. 446 с.

Фокин А.А., Яновская Н.А. Добро пожаловать, или Посторонним вход разрешен: эмоциональные и бытовые аспекты жизни американских стажеров в СССР 1960-х гг. // Вестник РУДН. Международные отношения. 2025. № 25(1). С. 133–146. DOI: 10.22363/2313-0660-2025-25-1-133-146. EDN: LMLJZR.

Bobryk S. The Second World War in Polish History Textbooks: Narratives and Networks since 1989 until 2015. PhD Thesis. University of Portsmouth, 2017.

Brynkus J. Józef Beck w Edukacji Historycznej Po 1989 Roku // Krakowskie Studia Małopolskie, Wydawnictwo Adam Marszałek, 2012. P. 112–122.

Cotta F.A. The Evolution of Finnish-Russian Relations from 1917 to the Present // Il Politico. 2022. Vol. 87, no. 2(257). P. 110–129.

Dussel I., Ydesen C. UNESCO and the Improvement of History Textbooks in Mexico, 1945–1960 // A History of UNESCO / ed. by P. Duedahl. London: Palgrave Macmillan, 2016. P. 231–256.

Faure R. Connections in the History of Textbook Revision, 1947–1952 // Education Inquiry. 2011. Vol. 2, no. 1. P. 21–35.

Faure R. Netzwerke der Kulturdiplo-matie. Die internationale Schulbuchrevision in Europa 1945–1989. Berlin; Boston: De Gruyter Oldenbourg, 2015. 362 S.

Gorsuch A. All This Is Your World: Soviet Tourist at Home and Abroad after Stalin. Oxford University Press, 2011. 240 p.

Koivunen P. Performing Peace and Friendship. The World Youth Festivals and Soviet Cultural Diplomacy. Berlin, Boston: De Gruyter Oldenbourg, 2022. 311 p.

Krekola J., Mikkonen S. Backlash of the Free World: the US presence at the World Youth Festival in Helsinki, 1962 // Scandinavian Journal of History. 2011. Vol. 36, no. 2. P. 230–255. DOI: 10.1080/03468755.2011.565566. EDN: WQWXGF.

- Ku Y. The Politics of Historical Memory in Germany: Brandt's Ostpolitik, the German-Polish History Textbook Commission, and Conservative Reaction // *Journal of Educational Media, Memory, and Society*. 2010. Vol. 2, no. 2. P. 75–92.
- Kwiatkowska H.M. Conflict of images. Conflict of memories. Jewish themes in the Polish right-wing nationalistic press in the light of articles from *Nasz Dziennik* 1998–2007. PhD Thesis. University College London, 2008.
- Oiva M., Salmi H., Johnson B. Yves Montand in the USSR. Cultural Diplomacy and Mixed Messages. Palgrave Macmillan Cham, 2021. 234 p.
- Osiński Z. Nauczanie historii w szkołach podstawowych w Polsce w latach 1944–1989. Uwarunkowania organizacyjne oraz ideologiczno-polityczne. Lublin, 2010. 237 p.
- Richmond Y. Cultural Exchange and The Cold War: Raising the Iron Curtain. Penn State University Press, 2003. 264 p.
- Ruchniewicz K. Die Deutsch-polnischen Schulbuchgesprache in den 70er Jahren // Textbook Improvement with a View to Enhancing Mutual Understanding between Countries. Korean Educational Development Institute, 2002. P. 30–41.
- Schröder C.A. Die Schulbuchverbesserung durch internationale geistige Zusammenarbeit: Geschichte, Arbeitsformen, Rechtsprobleme. Braunschweig: Westermann, 1961.
- Strobel T. Transnationale Wissenschafts- und Verhandlungskultur. Die Gemeinsame Deutsch-Polnische Schulbuchkommission 1972–1990. Göttingen: V&R Unipress, 2015. 378 S.
- Tomaszewski J. Jewish Themes in Polish School History Textbooks and Popular Historical Literature, 1989–94 // *East European Jewish Affairs*. 1994. Vol. 24, no. 2. P. 89–101.
- Vihavainen T. Kansakunta rähmällä: suomettumisen lyhyt historia. Helsinki: Otava, 1991. Available at: <https://elibrary.petsru.ru/books/show/1172> (accessed: 30.01.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию 25.03.2026

INTERNATIONAL SEMINARS ON THE MUTUAL REVIEW OF HISTORY AND GEOGRAPHY TEXTBOOKS (1968–1989) AS A TOOL OF SOVIET CULTURAL DIPLOMACY

A. A. Evnushanova

European University at St. Petersburg, Spalernaya St., 1, St. Petersburg, 191187, Russia
aevnushanova@eu.spb.ru
SPIN: 1094-0566

This article examines the work of bilateral seminars on the analysis of history and geography textbooks involving the USSR and Poland (PPR), Finland, Austria, and the United States. Using archival documents, textbooks, periodicals, and reports from seminar participants, the article explores which topics were particularly often the subject of recommendations by Soviet delegates. The study analyzes the tactics used by Soviet seminar participants to promote their preferred version of the historical narrative, which, in their view, correctly covered the history of Russia and the Soviet Union, and how these tactics differed depending on the country. It also examines which issues were particularly important to representatives of other countries and how Soviet historians reacted to the principled positions of experts from other countries. An analysis of the work of the textbook commissions shows that Soviet experts paid particular attention to topics related to the myths of the founding of the Russian and Soviet states: Russian Revolution, World War II, and the origins of the Russian state (the Norman theory). Soviet recommendations on these topics for textbooks in other countries were related both to correcting errors and to disagreement with the interpretation of the nature of the revolution or, in some cases, its absence from textbooks. Recommendations on the topic of World War II concerned the insufficient coverage in textbooks of the experiences of Soviet soldiers and the course of military operations on the Eastern Front in general; representatives of other countries noted a similar problem in Soviet textbooks.

Key words: Soviet cultural diplomacy, history textbooks, textbook revision, international cooperation, USSR, Poland (PPR), USA, Austria, Finland.

References

- Bobryk, S. (2017). *The Second World War in Polish history textbooks: Narratives and networks since 1989 until 2015* (Doctoral thesis). University of Portsmouth.
- Brynkus, J. (2012). Józef Beck w edukacji historycznej po 1989 roku. *Krakowskie Studia Małopolskie*, 112–122.

- Cotta, F. A. (2022). The evolution of Finnish-Russian relations from 1917 to the present. *Il Politico*, 87(257), 110–129.
- Dussel, I., & Ydesen, C. (2016). UNESCO and the improvement of history textbooks in Mexico, 1945–1960. In P. Duedahl (Ed.), *A history of UNESCO* (pp. 231–256). Palgrave Macmillan.
- Evnushanova, A. A. (2025). "Know your neighbor" or "know your enemy"? Soviet-Finnish seminars for the content analysis of history and geography textbooks (1973–1989). *Kul'turnyy kod*, (2), 81–100.
- Faure, R. (2011). Connections in the history of textbook revision, 1947–1952. *Education Inquiry*, 2(1), 21–35.
- Faure, R. (2015). *Netzwerke der Kulturdiplomatie. Die internationale Schulbuchrevision in Europa 1945–1989*. De Gruyter Oldenbourg.
- Fokin, A. A., & Yanovskaya, N. A. (2025). Welcome, or outsiders allowed: Emotional and everyday aspects of the life of American interns in the USSR in the 1960s. *Vestnik RUDN*, 25(1), 133–146. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2025-25-1-133-146>
- Gorsuch, A. (2011). *All this is your world: Soviet tourist at home and abroad after Stalin*. Oxford University Press.
- Gorsuch, A. (2010). Performing on the international stage: Soviet tourists of the Khrushchev era in the capitalist West. *Antropologicheskii forum*, (13), 359–388.
- Koivunen, P. (2022). *Performing peace and friendship. The World Youth Festivals and Soviet cultural diplomacy*. De Gruyter Oldenbourg.
- Krekola, J., & Mikkonen, S. (2011). Backlash of the free world: The US presence at the World Youth Festival in Helsinki, 1962. *Scandinavian Journal of History*, 36(2), 230–255. <https://doi.org/10.1080/03468755.2011.565566>
- Ku, Y. (2010). The politics of historical memory in Germany: Brandt's Ostpolitik, the German-Polish History Textbook Commission, and conservative reaction. *Journal of Educational Media, Memory, and Society*, 2(2), 75–92.
- Kwiatkowska, H. M. (2008). *Conflict of images. Conflict of memories. Jewish themes in the Polish right-wing nationalistic press in the light of articles from Nasz Dziennik 1998–2007* (Doctoral thesis). University College London.
- Vihavainen, T. (1991). *Kansakunta räähällään: suomettumisen lyhyt historia*. Otava. <https://elibrary.petsu.ru/books/show/1172>
- Lebedeva, N. S. (2017). The Katyn crime. In A. V. Torkunov & A. D. Rotfeld (Eds.), *White spots – black spots. Complex issues in Russian-Polish relations* (pp. 280–303). Aspekt Press.
- Mikkonen, S. (2024). *Friendship by calculation. Culture and art in Soviet-Finnish relations, 1944–1960*. Novoe literaturnoe obozrenie.
- Mozhaeva, L. A. (2016). World Festivals of Youth and Students: From the experience of public diplomacy. *Novyy istoricheskiy vestnik*, 48(2), 132–144.
- Nagornaya, O. S. (2018). Scientific cooperation and educational contacts in the system of Soviet cultural diplomacy of the Cold War era (1945–1990). *Vestnik Permskogo universiteta*, 42(3), 22–30.
- Oiva, M., Salmi, H., & Johnson, B. (2021). *Yves Montand in the USSR. Cultural diplomacy and mixed messages*. Palgrave Macmillan.
- Orlov, I. B. (2024). *From festival to festival: International youth tourism in the USSR in 1957–1985*. HSE Publishing House.
- Orlov, I. B., & Popov, A. D. (2020). *Olympic commotion: The forgotten Soviet modernization*. HSE Publishing House.
- Osiński, Z. (2010). *Nauczanie historii w szkołach podstawowych w Polsce w latach 1944–1989. Uwarunkowania organizacyjne oraz ideologiczno-polityczne*.
- Popov, A. D. (2018). The last Soviet mega-event: The XII World Festival of Youth and Students of 1985 in Moscow. *Noveyshaya istoriya Rossii*, 8(4), 1017–1031.
- Richmond, Y. (2003). *Cultural exchange and the Cold War: Raising the Iron Curtain*. Penn State University Press.
- Ruchniewicz, K. (2002). Die deutsch-polnischen Schulbuchgespräche in den 70er Jahren. In *Textbook improvement with a view to enhancing mutual understanding between countries* (pp. 30–41). Korean Educational Development Institute.
- Schröder, C. A. (1961). *Die Schulbuchverbesserung durch internationale geistige Zusammenarbeit: Geschichte, Arbeitsformen, Rechtsprobleme*. Westermann.
- Nagornaya, O. S. (Ed.). (2018). *Soviet cultural diplomacy in the conditions of the Cold War. 1945–1989*. ROSSPEN.
- Strobel, T. (2015). *Transnationale Wissenschafts- und Verhandlungskultur. Die Gemeinsame Deutsch-Polnische Schulbuchkommission 1972–1990*. V&R Unipress.
- Tomaszewski, J. (1994). Jewish themes in Polish school history textbooks and popular historical literature, 1989–94. *East European Jewish Affairs*, 24(2), 89–101.